

ПОХВАЛА БАСНЕ

Из всех жанров мировой литературы, пожалуй, наиболее исследована, учитывая ее почтенный возраст, басня. Однако в современных представлениях о ней содержится немало непроясненных положений. Проблематична уже сама проблема зарождения жанра басни. «Наряду с мифом, — обмолвился как-то М. Л. Гаспаров, — басня была одной из древнейших форм мышления и одним из древнейших жанров словесного искусства».¹ Нельзя с этим согласиться потому, что уже в эзоповских баснях мифологические персонажи появляются изредка, а главное — не как полновесные боги и герои, а в качестве условных литературных персонажей. Достаточно вспомнить в этой связи классический басенный сюжет «Лягушки, просящие царя», где Юпитер наделен качеством любителя черного юмора.

Более достоверной представляется версия происхождения басни, изложенная В. А. Жуковским: «Вероятно, что прежде она была собственностью не стихотворца, а оратора и философа <...> В истории басни можно заметить *три* главные эпохи: первая — когда она была не что иное, как простой риторический способ, пример, сравнение; вторая — когда получила бытие отдельное и сделалась одним из действительнейших способов предложения моральной истины для оратора и философа нравственного, — таковы басни, известные нам под именем Эзоповых, Федровы и в наше время Лессинговы; третья — когда из области красноречия перешла она в область поэзии, то есть получила ту форму, которой обязана в настоящее время Лафонтену и его подражателям, а в древности Горацию».²

Следует, однако, сразу же уточнить содержащееся здесь противопоставление «риторических» и поэтических басен.³ На первый взгляд, хронологическая дистанция между Эзопом и Федром, а особенно между Федром и Лафонтеном и в самом деле — огромна. Однако представление о позднем (по сравнению с Эзопом) происхождении поэтической басни — ошибочно.

Впервые стихотворное переложение басни зарегистрировано в составе поэмы Гесиода «Труды и дни» (притча о соловье и ястребе), в комической поэме «Война мышей и лягушек» (притча о льве и мышонке), в ямбах Архилоха (притча об орле и лисице), т. е. задолго до Эзопа. Как самостоятельный стихотворный жанр басня действительно вполне оформилась лишь в творчестве Федра и Бабрия на заре новой эры. Но едва ли не первым автором, посягнувшим на самостоятельное поэтическое переложение эзоповских басен, согласно свидетельству Платона (диалог «Федон»), стал младший современник Эзопа, Сократ, который в своих риторических занятиях постоянно прибегал к басенным сюжетам. И вместе с тем «сказывали, что <он> занимался в темнице сочинением стихов, переложил в стихи несколько Эзопо-

¹ Гаспаров М. Л. Басни Эзопа // Басни Эзопа. М., 1968. С. 241.

² Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 183—184.

³ Проблема эта была развита в книге Л. С. Выготского: *Выготский Л. С. Психология искусства*. М., 1968. С. 154—186.

вых басен».⁴ Диоген Лаэртский (2 век н. э.) приводит две строчки одной из них:

Некогда молвил Эдип обитателям города Коринфа:
Кто добродетелен, тот выше земного суда.⁵

Исходными для складывающегося литературного жанра оказались динамические сравнения отрицательного свойства («не так, а вот как надо поступать») — ср., например, в «Молении Даниила Заточника» (XII—XIII век): «не сей на межах сита, ни мудрости в сердцах глупых <...> Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупым — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупца не научишь. Коли пожрет синица орла, если поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится».⁶ Именно первая часть чисто риторического приема развилась в самостоятельную сценку.

Таким образом, изначально определились два главных качества басенного рассказа: в его основе всегда бестолковое происшествие, которое от противного предполагает некую нравственную истину. Именно такая басенная ситуация послужила основой для поэтической обработки, преимущественно смеховой (забавной, юмористической, сатирической), подразумевающей, однако, разумную оппозицию. Недаром действующими лицами в басне зачастую становились звери, животные — ведь не так, как они, должен поступать человек.⁷

Сходство персонажей напрямую уподобляло басню сказочному животному эпосу. На самом деле басня возникла уже в контексте развитой культуры, в отличие от сказок о зверях. Скорее, однако, сказки о животных в своем развитии насыщались басенными мотивами. Будучи наиболее древним фольклорным жанром, сказка о животных использовала нередко неторопливую кумулятивную композицию, поэтизировала обман как необходимое средство выживания. В басне же торжествовало стремительное развитие сюжета, а звери аллегорически воплощали отдельные человеческие качества.⁸

⁴ В предисловии к изданию своих басен Лафонтен замечал: «Как только басни, приписываемые Эзопу, увидели свет, так Сократ нашел нужным одеть их в одежды муз... Сократ был не единственным, кто рассматривал поэзию и басню как сестер. Федр заявлял, что он придерживался того же самого мнения» (цит. по: *Выготский Л. С. Указ. соч. С. 136*).

⁵ *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях великих философов. М., 1986. С. 105—106.* Вероятно, здесь содержится ошибка в адресате басни: не сохранилось никаких свидетельств о пребывании Эзопа в Коринфе. Скорее всего, философ имел в виду дельфийцев, приговоривших по ложному доносу баснописца к казни, — и тем самым сравнивал собственную судьбу с его участью. В предсмертной речи, согласно Платону, Сократ заявил согражданам: «Ведь если вы меня казните, вам нелегко будет найти такого человека, который попросту — смешно сказать — поставлен богом к нашему городу, как к коню большому и благородному, но облившемуся от тучности и нуждающемуся в том, чтобы его погонял какой-нибудь овод. Вот, по-моему, бог послал меня в этот город, чтобы я, носясь повсюду, каждого из вас будил, уговаривал, упрекал беспрестанно» (*Платон. Апология Сократа // Платон. Диалоги. Харьков, 1999. С. 21*).

⁶ *Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 395.*

⁷ Впрочем, и сам человек многое почерпнул у своих меньших братьев. Еще Демокрит замечал: «От животных мы путем подражания научились важнейшим делам: [а именно, мы — ученики] паука в ткацком и портняжном ремеслах, [ученики] ласточки в построении жилищ и [ученики] певчих птиц, лебедя и соловья в пении» (*Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. Т. 1. С. 86*).

⁸ Анализируя народные сказки о животных, В. Я. Пропп замечал: «Они могут быть использованы в целях сатиры, как могут быть использованы и сказки других видов, но они не являются ни моралистическими, ни сатирическими по существу» (*Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 303*).

Жанр басни начал менять свою социальную функцию уже в античном мире. «После того, — отмечал М. Л. Гаспаров, — как борьба между знатью и народом закончилась победой народа, басня перестала быть орудием борьбы. Боевой пафос басенной морали потускнел, иносказательность полемической аргументации стала ненужной <...> Басню по-прежнему любят, но уже не относятся к ней серьезно. Это — средство развлечения толпы, не достойное серьезного оратора <...> Из „высокой” литературы для взрослых граждан она опускается в литературу учебную, предназначенную для детей. Это происходит на рубеже классической и эллинистической эпох <...> В такой школе басня пришлась как нельзя более к месту: младшие впитывали из нее народную мудрость. Старшие пользовались ею как материалом для риторических упражнений. И школа надолго остается основным питомником басни...»⁹

Так закрепилось издавна, — в сущности, неверное — представление о басне как материале исключительно для детского чтения. С этим — в целях противоцензурного маневра — склонны были соглашаться и выдающиеся баснописцы. Недаром первое издание своих басен (в шести книгах) Лафонтен посвятил шестилетнему дофину, наследнику королевского престола. Не в последнюю очередь с той же целью рядился под простака и «дедушка Крылов».

В каждой из национальных культур басня имела свою судьбу. Особенно был востребован этот жанр в России в XVIII—начале XIX века. Несть числа баснописцам того времени, и даже самые замечательные русские писатели постоянно обращались к басенному жанру: Фонвизин, Державин, Карамзин, Жуковский... Низкий в системе господствующего классицизма жанр оказался готовым для воспроизведения повседневного быта, аллегорический же смысл позволял касаться рискованных политических и социальных тем. Именно двойная природа басни («простой» рассказ и «высокая» мораль) определила и здесь сложную эволюцию жанра.

По формальным признакам басня — один из самых консервативных литературных жанров. Она зачастую использует традиционный, подчеркнuto неправдоподобный, условный сюжет. Его обработка является предметом соревнования для многих писателей, каждый из которых мог учитывать опыт предшественников. Но в лучших образцах поэтический басенный рассказ обогащался в дальнейшем иными жанровыми формами. Недаром замечательными баснописцами стали во Франции — Лафонтен, а в России — Крылов, обратившиеся к басне после того, как накопили свою творческую силу в различных жанрах. Реалистическая точность в передаче примет русского быта, драматическое мастерство в обрисовке характеров басенных персонажей у Крылова неузнаваемо преобразовывали традиционную фабулу. «Это наша крепкая русская голова, — писал о нем Н. В. Гоголь, — тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум. Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной. Это выражается в поговорке: „Одна речь не пословица...” Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выраженья, в них отразилось много народных свойств наших; в них все есть: издевка, насмешка, попрек — словом — все, шевелящее и задирающее за живое: как стоглазый Аргус глядит из них каждая на человека <...> Отсюда-то ведет свое происхождение Крылов».¹⁰

⁹ Гаспаров М. Л. Указ. соч. С. 252—253.

¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.], 1952. Т. 8. С. 392. Кровное родство крыловской басни с пословицей впоследствии было обосновано А. А. Потемной. См.: *Потемня А. А.*

Важнейшим качеством пословичного фонда, между прочим, служит и незацикленность народных представлений непременно на одной и той же истине, а умение применительно к конкретной жизненной ситуации мудро сформулировать и диаметрально противоположное суждение. Ср., например, антонимические пары: «Делу время — потехе час» и «Молодо-зелено, погулять велено». Вспомним, что Крылова и по сию пору часто упрекают в «непоследовательности», когда он аналогичные басенные сюжеты обрабатывал и в сатирическом ключе, и будто бы в благонамеренном смысле.

Откликаясь на творчество Крылова, Белинский скажет: «Басня как нравоучительный род литературы — в наше время — действительно ложный род... Но басня, как *сатира*, есть истинный род поэзии».¹¹

Сатирический смысл многих басен Крылова не выплывает с годами. Такова, например, притча «Крестьяне и река» с итоговым народным советом:

На младших не найдешь себе управы там,
Где делаются они со старшим пополам.

По поводу басни «Овцы и Собаки» В. А. Архипов отмечает: «Басня, направленная против разбухшей махины крепостнического государства, против целой системы фиктивных должностей и синекур, резка и однозначна и поэтому не требует пояснений».¹² «Трудно придумать, — трактует басню «Рыбья пляска» Н. Л. Степанов, — более злую и едкую сатиру на монарха. Крылов наглядно показал, как бесстыдно царя обманывают лица, которым доверено управление государством, и как сам царь позволяет себя обманывать».¹³ Упоминания «махины крепостнического государства» и «монарха» явно ограничивают хронологические рамки изображенного зла, донные ощущаемого с небывалой силой.

Басни Крылова до сих пор то и дело приходят на ум. Продолжая многовековую литературную традицию, баснописец Крылов остается писателем нового времени.

Упомянем в этой связи издание басен Крылова (СПб., 1864) с иллюстрациями академика Трутовского, в которых выявлен — только на первый взгляд неожиданный — актуальный смысл нестареющих анекдотов, прямо аукнувшийся в эпоху реформ Александра II. Было бы любопытно повторить подобное издание сейчас, сопроводив его современными фотографиями, — вплоть до последней крыловской басни «Вельможа».

Но расценивать басенное творчество Крылова исключительно по ведомству сатиры также, в общем-то, неверно. «Тришкин кафтан», «Раздел», «Демьянова уха», «Охотник», «Мельник», «Два мужика», «Три мужика» и т. п. — вовсе не сатиры, а юморески. Таков, например, герой басни «Кот и Повар». Басню эту впоследствии даже связывали с событиями Отечественной войны 1812 года (на самом деле она была разрешена цензурой к печати еще до начала военных действий). В сущности же, здесь передан забавный монолог захмелевшего в меру человека, который, может быть, стрезва и выдрал бы провинившегося кота. Но сейчас он пребывает в благодушном на-

Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. 3-е изд. Харьков, 1930. Ср.: «Господствующий дух русских пословиц, — замечал В. К. Кюхельбекер, — ирония. Очень мало таких, которые то, что хотят сказать, говорят прямо, — большая часть выражаются обиняками. Некоторые — истинные апологи в двух-трех словах» (Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929. С. 53).

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. VIII. С. 575.

¹² Архипов В. Крылов: Поэзия народной мудрости. М., 1974. С. 141.

¹³ Степанов Н. Басни Крылова. М., 1969. С. 42.

строении, в трактате почему-то не наговорился и теперь хочет наверстать упущенное.

Считается бы, что уже во второй половине XIX века «классический басенный жанр как бы кончается самоубийством через автопародию».¹⁴ Тем более что некоторые, особо популярные басенные сюжеты могут показаться морально ущербными. Так, дети обычно жалеют Стрекозу, прослушав басню «Стрекоза и Муравей», — должны доказать, по мысли воспитателя, что бездельничать аморально. В своем романе «Эмиль, или О воспитании» Ж.-Ж. Руссо, анализируя традиционные басенные сюжеты, замечал, в частности: «А между тем, какой ужасный урок для детей! Самым ненавистным из всех чудовищ был бы жадный и жестокий ребенок, который знал бы цену того, что у него просят и в чем он отказывает. Муравей делает больше: он научает ребенка издеваться при рассказе».¹⁵ Любопытно и то, что, выслушав на острове Св. Елены басню «Волк и Ягненок», Наполеон считал, что «в ней слишком много иронии, почему она не может быть доступна пониманию детей; сверх того она грешит в своем принципе и в нравовании (...) Несправедливо, когда сила подавляет наилучшее (que la raison du plus fort fût toujours la meilleure), и если так случается на самом деле, то это зло, говорит он, злоупотребление, достойное порицания. Волк должен был подавиться, пожирая ягненка».¹⁶

Казалось бы, что баснописец Крылов продолжает жить в нашей культуре только массой оставленных им «крылатых выражений». Так ли это?

Последняя, девятая, книга басен Крылова открывалась шестью миниатюрами, напечатанными в альманахе «Новоселье» (1833), наряду с «Домиком в Коломне» Пушкина, где басни Крылова постоянно упоминаются и прямо цитируются. Собственно, анекдотическое происшествие, описанное в поэме, сродни басенной жанровой картинке типа «Разборчивой невесты», но Пушкин иронизирует в финале над басенной моралью, что можно, конечно, расценить как приговор массовому басенному жанру. Однако басенные мотивы постоянно живут в художественной ткани пушкинских произведений.

Приведем тому лишь несколько примеров. Пушкинская эпиграмма на царя:

Оригинал похож на бюст:
Он также холоден и пуст —

восходит к басне Лафонтена «Лисица и Бюст», в которой героиня, увидев в саду бюст славного героя, восклицает:

Как благороден лик! Какая красота!
Одно лишь жаль, что голова пуста!

Далее следует мораль:

Тут к слову бы сказать, что многие вельможи
Во всем на этот Бюст похожи.¹⁷

Описание творческих мук горюхинского Белкина, замыслившего эпическую поэму о Рюрике, но разразившегося лишь надписью к портрету, также восходит к классическому басенному сюжету о горе, родившей мышь, — ср. соответствующую мораль у Лафонтена:

¹⁴ Классическая басня. М., 1981. С. 343.

¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. М., 1981. Т. 1. С. 124.

¹⁶ См.: Кеневич В. Примечания к басням Крылова. 2-е изд. СПб., 1878. С. 41.

¹⁷ Лафонтен Ж. Басни. М., 2000. С. 170.

Но это старая, все знают, побасёнка;
 А вот я быль скажу: один поэт писал
 Не день, не два, а целый месяц сряду,
 Чернил себя, крестил, марал;
 Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
 Шараду.¹⁸

Нет необходимости перечислять крыловские реминисценции в творчестве Пушкина; ограничимся общеизвестным: зачином его романа в стихах: «Мой дядя самых честных правил» (ср. в басне Крылова «Осел и Мужик»: «Осел был самых честных правил»).

Но, конечно же, дело не ограничивается одними реминисценциями.

Только на первый взгляд может показаться верным попутное замечание Н. А. Добролюбова: «Крылов ограничил свою деятельность одним родом литературных произведений — баснею и потому мало имел влияния на развитие литературы...»¹⁹

Сравним с этим признанную оценку наследия французского баснописца: «„Басни” Лафонтена отличаются прежде всего исключительной широтой в охвате современной ему французской действительности. Вся Франция второй половины XVII века, начиная от крестьянина-бедняка, добывающего себе пропитание сбором хвороста, и кончая монархом и его аристократическим окружением, проходит перед глазами читателя в произведениях Лафонтена. Этот размах поэтического кругозора Лафонтена, так же как и значение писателя в процессе становления национальной литературы, позволили одному из критиков назвать его „французским Гомером”. Сам Лафонтен писал о своих баснях, что это „пространная стоактная комедия, разыгрываемая на мировой сцене”».²⁰ Разве не то же мы вправе сказать и о баснях Крылова?

Здесь уместно упомянуть о том, что в 1825 году Крылов передал в альманах «Северные цветы» пять басен. Одна из них («Лев состарившийся») — довольно точный перевод басни Лафонтена «Лев в старости». Но та же коллизия развита Крыловым и в басне «Лисица и Осел», где происшествие поведано не в скорбном рассказе одряхлевшего царя зверей, а в наглой похвалбе Осла. Не случайна здесь и Лисица, которая своими хитрыми вопросами подталкивает собеседника предельно обнажить его агрессивную глупость. Помещенные в одном альманахе две басни на один и тот же сюжет можно расценить как реакцию баснописца на надоевшие ему в отечественной критике — якобы комплиментарные — определения его как «русского Лафонтена». Вполне очевидно, что вторая басня доказывала то, что Крылово было по силам соперничество со всемирно признанным мастером.

Уроки художественного мастерства Крылова были полезны для многих писателей. Присмотримся хотя бы к развернутым сравнениям в «Мертвых душах». Вспомним уподобление мелких чиновников мухам или лай собак в имени Коробочки, напоминающий разноголосый певческий ансамбль. Или такое попутное сравнение, особо восхитившее В. В. Набокова: «Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням». Нам представляется, что образность таких пассажей

¹⁸ Там же. С. 204.

¹⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1950. Т. 1. С. 317.

²⁰ Виппер Ю. Б., Самарин Р. М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954. С. 563.

восходит к «подробностям» басенного рассказа у Крылова.²¹ Не вспоминали баснописца автор «Мертвых душ» и выявляя животные черты у небокопителей?

Работая над романом «Война и мир», Л. Н. Толстой внимательно читал не только документы и репортажи об Отечественной войне, но и басни Крылова, который лучше всех своих современников отразил народный характер Отечественной войны. «Стон этого раненого зверя французской армии, — пишет романист, вспоминая басню «Волк на псарне», — обличитель ее погибели, была присылка Лористона в лагерь Кутузова с просьбой о мире».²² Воспользовался автор эпопеи и образом, почерпнутым в басне «Ворона и Курица»: «Она (Москва) была пуста, как пуст бывает домирающий, обезматочивший улей».²³

Можно было бы посчитать случайностью басенную огласовку имени-фамилии главного героя романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (Лев Мышкин), но нельзя не заметить, что в сложной структуре этого произведения басня то и дело вспоминается. Вспомним реакцию Рогожина на обиду, нанесенную князю: «И будет каяться! — закричал Рогожин, — будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (он не мог приискать другого слова) оскорбил!»²⁴ В одной из кульминационных сцен этого романа прямо будет обозначен мотив басни «Лев составившийся» во взаимоотношениях генерала Епанчина и Фердыщенко.

В басне Крылова «Стрекоза и Муравей», в сущности, было развенчано прекраснородное представление о том, что народ всегда добр. А. И. Куприн в рассказе «Попрыгунья-стрекоза» на пороге грозных потрясений русской истории начала XX века пребывает в русле крыловской морали — трезвого представления о народе. Писатель рассказывает, как художник, поэт-символист и музыкант попадают на новогодний праздник в сельскую школу и слушают нелепо разыгранную детьми басню «Стрекоза и Муравей».

«Мне вовсе, — вспоминает рассказчик, — нетрудно сознаться в том, что в это время у меня волосы стали дыбом, как стеклянные трубки, и мне казалось, что глаза этой детворы и глаза всех набившихся битком в школу мужиков и баб устремлены только на меня, и даже больше, — что глаза полтора миллионами глядят на меня, точно повторяя эту проклятую фразу: „Ты все пела, это — дело, так поди же попляши. Так поди же попляши“ (...). В страшный день ответа что мы скажем этому ребенку и зверю, мудрецу и животному, этому многомиллионному великану? Ничего. Скажем с тоской: „Я все пела“. И он ответит нам с коварной мужицкой улыбкой: „Так поди же попляши“».²⁵

В свою очередь, идиллическое (вполне всерьез!) изображение соловьиного пения в басне «Осел и Соловей» стало, возможно, одним из стимулов сим-

²¹ Показателен спор Белинского и К. Аксакова о развернутых сравнениях у Гоголя. «Если Гомер, — замечает Белинский, — сравнивает теснимого в битве троянами Аякса с ослом, он сравнивает его *простодушно*, без всякого юмора (...) Для Гомера, как и для всех греков его времени, осел был животное почтенное и не возбуждал, как в нас, смеха одним своим появлением или одним своим именем. У Гоголя же, напротив, сравнение, например, франтов, увивающихся около красавиц, с мухами, летящими на сахар, все насквозь проникнуто юмором» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1955. Т. VI. С. 419). Аксаков же замечает у Гоголя «не тот юмор, который выдает, выставляет субъект, уничтожая действительность (...), но тот, который связывает субъект и действительность, сохраняя и тот и другую, так что не мешает видеть поэту все безделицы до малейшей и, сверх того, во всем ничтожном уметь свободно находить живую сторону» (Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 90).

²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1933. Т. 12. С. 70.

²³ Там же. Т. 11. С. 327.

²⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 99.

²⁵ Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1964. Т. 5. С. 197—198.

волической системы поэмы Блока «Соловьиный сад», в лирической стихии которой образ басенного антагониста был переосмыслен. Прежде чем возникнет мотив «зова соловьиного», в поэме Блока появится труженик-осел, которому будут посвящены и последние строки поэмы:

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.²⁶

Описывая быт «шарашки», А. И. Солженицын рассказывает забавное поначалу происшествие, закончившееся анекдотически, но отнюдь не весело: «В прошлый воскресный вечер, веселя публику, Рубин экспромтом сочинил пародию на крыловскую „Ворону и Лисицу“, полную лагерных терминов и невозможных для женского уха оборотов, за что его пять раз вызывали на „бис“ и качали, а в понедельник вызвал майор Мышин и допрашивал о разращении нравственности; по этому поводу отобрано было несколько свидетельских показаний, а от Рубина — подлинник басни и объяснительная записка».²⁷

Второй крыловский анекдот интерпретируется в романе предельно трагично: «Превозмогая боль и дурноту, Рубин все так же мерно старался ходить по коридору. Ему припомнилась басня Крылова „Булат“. Басня эта на воле проскользнула мимо его внимания, но в тюрьме поразила:

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.

Мужик же Булатом драл лыки, щепал лучину. ⟨...⟩ И однажды Еж спросил Булата в избе под лавкой, не стыдно ли ему? И Булат ответил Ежу так, как сотни раз отвечал сам Рубин:

Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годеи!..²⁸

И развивая традиции Крылова, Солженицын завершает свой роман характерным советским анекдотом-былью, упоминая об иностранном корреспонденте, который отмечает рост благосостояния жителей Москвы, заметив участвовавшее движение по улицам города фургонов с надписью «Мясо» (ему невдомек, что в таких фургонах гэбисты развозят заключенных).

Перелицовка традиционных притчевых ситуаций — яркая примета басенных экспериментов нового времени, которые также несправедливо считать приметой «самоубийства» старого жанра.

Такова, например, перелицовка басни «Дуб и Трость» современного французского поэта Ануя (даем ее в нашем переводе):

Тростинке старый Дуб сказал наемни:
«Ну всё: довольно эти бредни
Издетства повторять
И старой басенкой пугать.

²⁶ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 245. Ср. сходную апологию осла в романе Достоевского «Идиот» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 48—49).

²⁷ Солженицын А. И. В круге первом. М., 1990. С. 396.

²⁸ Там же. С. 545.

Уж больно вы привыкли, братцы,
 Перегибаться!»
 В ответ тростинка: «Что и говорить —
 Да, пресмыкаться некрасиво,
 Но ветер, что колышет вашу гриву,
 (Насколько снизу я могу судить)
 Смиряет ведь и вашу прыть.
 Негоже мне, тростинке хилой,
 С могучим меряться своею силой,
 Опасно этак поступать и вам,
 Отважным гордецам».
 И надо же — вдруг ураган примчался,
 Взревел, взыграл,
 Обрушился на мир, и дуб сломался —
 Упал.
 Тростинка дубу падшему прошелестела
 (А прежде так она нахальничать не смела):
 «Ну вот, дружок — и шмяк! Права я или нет?»
 Но раненый гигант завистнице в ответ
 Промолвил: «Что ж! иной я доли не желаю:
 Я дубом жил и дубом умираю».²⁹

Еще более радикальную переделку сходной ситуации предлагает в своей известной песне Макаревич:

Не стоит прогибаться под изменчивый мир,
 Пусть лучше он прогнется под нас.

Таково и творчество американского писателя рубежа XIX—XX веков Амброза Бирса, признанного мастера черного юмора, — ср., например, его басню «Стрекоза и муравей»:

«Однажды зимой голодная стрекоза пришла к муравью попросить поесть из муравьиных запасов. „Почему же, — спросил ее муравей, — ты сама себе не сделала запасов, а только пела все время?“ „Сделала я запасы, — ответила стрекоза, — но вы, муравьи, пришли и все забрали“».³⁰

Современную обработку того же сюжета мы находим у Дмитрия Быкова:

Да, подлый муравей, пойду и попляшу,
 И больше ни о чем тебя не попрошу.
 На стеклах ледяных играет мерзлый глянец.
 Зима сковала пруд, а вот и снег пошел.
 Смотри, как я пляшу, последний стрекозел,
 Смотри, уродина, на мой последний танец <...>
 Когда-нибудь в раю, где пляшет в вышине
 Веселый рой теней, — ты подползешь ко мне,
 Худой, мозолистый, угрюмый, большеротый, —
 И, с завистью следя воздушный мой прыжок,
 Попросишь: «Стрекоза, пусти меня в кружок!» —
 А я скажу: «Дружок! Пойди-ка поработай!»³¹

²⁹ Басню Ж. Ануя «Дуб и Трость» на французском языке см.: <http://www.etudes-litteraires.com/forum/topic9089-comparaison-le-chene-et-leroseau-de-jean-anouil-la-fontaine.html>.

³⁰ Классическая басня. С. 221.

³¹ Быков Дм. Эвакуатор. М., 2005. С. 325.

В современной культуре басня продолжает жить, иногда мимикрируя под иные жанровые формы. Басенное начало живет в анимационных фильмах (ср. «Пластилиновую ворону» по сценарию Э. Успенского или фильма Ю. Норштейна). Песня Мусоргского о блохе, конечно, также, по сути дела, — басня, как и многие песни Высоцкого (про жирафа, про козла отпущения, про мангустов и пр.), как и песня Б. Окуджавы о черном коте.

Начиная в юности свой литературный путь в качестве сатирика, Крылов был убежден в действенности своих обличений, надеясь на благостные социальные перемены. В баснях же, где излагаются «истины вполукрота», этой убежденности — надо признать — уже нет. Недаром Крылов неизменно открывал свои собрания басен притчей, начальные строки которой звучали так:

*Уж столько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна, но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.*

Ср. с Окуджавой:

*Надо б лампочку повесить,
Денег всё не соберем.*

Так в чем же тогда значение басни? Наверное, в сходной роли со сказкой, которая подспудно живет в самых изощренных жанрах как неизбывная мечта о счастье, преодолении всех бед. Так и басня, несмотря ни на что, не устает напоминать о должном, по сию пору поправном.